

ПРОТИВОБОРСТВО КИТАЯ И США В АЗИИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

В мае 2012 г. состоялся четвертый раунд китайско-американского стратегического и экономического диалога. Стороны согласились начать стратегические консультации по азиатским вопросам — таким образом, АТР переместился в центр стратегического диалога двух стран. Однако диалог и сотрудничество — далеко не единственная сторона взаимодействия Китая и США в данном регионе.

В начале 2012 г. Азиатско-Тихоокеанский регион был объявлен важнейшей зоной интересов США. В апреле произошло обострение территориальных противоречий между Китаем и военным союзником США Филиппинами в Южно-Китайском море; были проведены масштабные военно-морские учения России и КНР. Китай продолжает наращивать военную мощь и увеличивать военный бюджет, а США не упускают возможности усилить свои позиции в регионе путем укрепления союзных военно-политических связей с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Австралией.

Таким образом, в американо-китайских отношениях в Азии присутствует переплетение взаимозависимости и соперничества. Насколько долгосрочна эта тенденция? Может ли соперничество двух держав спровоцировать в регионе опасную поляризацию сил? Какова реакция региональных игроков на различные перипетии отношений США и Китая? Какой должна быть в данной ситуации позиция России? Об этом размышляют участники расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, проведенного совместно с Центром АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ.

В дискуссии приняли участие старший научный сотрудник ИМЭМО РАН В. Б. Амиров, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН А. В. Воронцов, профессор кафедры востоковедения, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ А. Д. Воскресенский, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД РФ Ю. А. Дубинин, директор Московского филиала Фонда Макартуров И. А. Зевелев, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН Е. А. Канаев, профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ С. И. Лунев, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Д. В. Мосяков, президент ПИР-Центра В. А. Орлов, научный сотрудник ПИР-Центра, редактор международного издания журнала Индекс Безопасности Е. Н. Петелин, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ Н. В. Стапран, директор Центра АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ В. В. Сумский, ведущий научный сотрудник отдела исследований современной Азии РИСИ В. Ф. Терехов, декан гуманитарного факультета МИФИ, директор Института международных отношений, профессор кафедры

международных отношений **Б.М. Тулинов**, член дирекции ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН Г.И. **Чуфрин**.

ВИКТОР СУМСКИЙ (ЦЕНТР АСЕАН ПРИ МГИМО): Тема нашего заседания внешне выглядит как региональная, но по существу она глобальная, и связано это с целым рядом обстоятельств. *Во-первых*, центр мировой экономической активности перемещается в Восточную Азию, и поэтому проблемы этого региона неизбежно приобретают глобальные измерения. *Во-вторых*, смещение центра мировой экономической активности в этом направлении и темпы этого смещения стали результатом бурного роста Китая. Именно усиление его региональных позиций дает эффект превращения в глобального игрока. Кое в чем он не только сравнялся с такими экономическими гигантами, как США и Япония, но и превзошел их: в 2010 г. показатель товарооборота КНР со странами АСЕАН приблизился к 300 млрд долл. (у США этот показатель вдвое меньше). *В-третьих*, во всем, что Китай и США делают за пределами Восточной Азии, США так или иначе руководствуются фактором Китая, Китай — фактором США. Поэтому тему отношений США и Китая в Азии нужно ставить в более широкий контекст, частью которого будут и ЕвроПРО, и *арабская весна*, плавно переросшая в арабскую осень, и другие события подобного масштаба.

На первый план выходит сложнейшее переплетение взаимозависимости и соперничества в американско-китайских отношениях. Насколько долгосрочна эта тенденция? Вероятно ли перерастание этого соперничества в опасную поляризацию региональных сил, которая могла бы раскатать азиатскую экономическую лодку? Какова реакция региональных игроков на различные перипетии отношений США и Китая? Каким пространством маневра располагают региональные игроки в условиях нарастающего американско-китайского противоборства?

Россия уже достаточно четко обозначила свой интерес в Восточной Азии, связав его с проблемой модернизации дальневосточных и сибирских территорий. Россия естественным образом не заинтересована в том, чтобы под влиянием противоречий между двумя державами ситуация в Восточной Азии обострялась, негативно отражаясь на экономическом самочувствии региона. Не может Россия и целиком присоединяться к одной из сторон в случае нарастания противоборства. Что же мы реально могли бы сделать для ослабления тенденции к поляризации?

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ВЛАДИМИР ТЕРЕХОВ (РИСИ): Американско-китайские отношения — это проблема номер один в современной внешней политике. От того или иного разрешения этой проблемы будет зависеть ответ на ключевой вопрос истории — вопрос о войне и мире, о возможности большой и серьезной войны. Предыдущая геополитическая игра, известная как холодная война, окончена. Сегодня закладываются основы новой такой игры — главным образом, в АТР. Ее основным содержанием становится сложный комплекс американско-китайских отношений.

Общая направленность этих отношений определяется влиянием двух эффектов, действующих прямо противоположным образом. Первый из них, связанный с *благотворным влиянием торговли*, ассоциируется с именем великого философа эпохи Просвещения Шарля Монтескье: в середине XVIII в. он предложил европейцам, измученным непрерывными войнами, больше торговать, и тогда просто не останется времени на войны. Второй можно назвать *эффектом Фукидида*¹. Он выражается в том, что усиление позиций одного государства влечет за собой враждебность другого. Воздействие этих эффектов испытывают и японо-китайские, и китайско-индийские отношения, да и отношения между большинством других стран на протяжении веков.

Тезис об экономической взаимозависимости США и Китая обоснован. Каждая из этих стран друг для друга — второй по значимости (после Европейского Союза) торговый партнер. Китай является главным держателем американских долговых обязательств, обладает огромным валютным резервом в долларах. Правда, в сфере экономических отношений имеются и серьезные проблемы. Основной из них США считают манипулирование обменным курсом юаня по отношению к доллару со стороны Китая, с чем якобы связано гигантское отрицательное сальдо двусторонней торговли для США. На требования США повысить курс юаня Китай отвечает, что его экспортно-ориентированная экономика и так работает на грани рентабельности (всего несколько процентов). В целом экономическая взаимозависимость США и Китая — гарантия пусть конкурентного и сложного, но продолжительного мирного сосуществования.

На этом фоне, однако, проступает все больше признаков того, что начинает работать эффект Фукидида. Значительная часть американского истеблишмента встревожена всесторонним и быстрым развитием Китая. Позиция нынешней администрации двояка. С одной стороны, она стремится побудить КНР к встраиванию в существующий миропорядок в качестве ответственного участника, с другой — придерживается стратегии страхования рисков чуть ли не по всему периметру китайских границ (исключая, разумеется, границу с Россией). На это указывает, в частности, программная статья Хиллари Клинтон в журнале *Foreign Policy*².

Негативная реакция Китая на подобное поведение носит не только вербальный характер. Когда после таинственного потопления корвета Чхонан США начали серию военных учений на Корейском полуострове и в окружающем его водном пространстве, Китай провел собственные масштабные военные учения с участием всех видов вооруженных сил.

ЕВГЕНИЙ ПЕТЕЛИН (ПИР-ЦЕНТР): Может сложиться впечатление, что баланса между китайско-американским соперничеством и сотрудничеством не существует. Я хотел бы на примере китайско-американских отношений в сфере энергетики продемонстрировать не только точки соприкосновения интересов, но и необходимость поддержания стабильных взаимоотношений между двумя странами.

Прежде всего, Китай и США являются крупнейшими в мире потребителями первичной энергии. Долгое время США занимали первую позицию, в 2,5 раза опережая ближайших конкурентов — Россию и Китай, в 4 раза — Японию и Германию. Только в 2009–2010 гг. Китай (2,4 млрд т) опередил США (2,3 млрд т) по потреблению энергии. Отношения между крупнейшими потребителями энергии предполагают конкуренцию за сферы влияния в различных регионах мира с целью доступа к энергетическим ресурсам, а также территориальные споры.

Но в энергетических отношениях с США у Китая сегодня другие приоритеты. Текущая 12-я пятилетка (2011–2015 гг.) — крайне важный период для развития КНР, поскольку именно в этот период Китаем будет пройдена так называемая точка Льюиса — пик максимальной доли населения в рабочем возрасте. В последующие годы эта доля будет только снижаться. Другими проблемами роста китайской экономики сегодня являются дефицит энергоресурсов и стремительное ухудшение экологической ситуации. Чтобы продолжить развитие, стране необходим переход от экстенсивной к интенсивной модели, что в энергетической сфере предполагает построение высокоэффективной низкоуглеродной экономики. Это требует от Китая развертывания конструктивного диалога с развитыми странами (прежде всего, с США) для поиска соответствующих технологий и инвестиций.

Сотрудничество Китая с Соединенными Штатами в энергетике развивалось на протяжении трех десятилетий. Первые контакты были предприняты еще в конце 1970-х гг. В 1997 г. в силу вступило соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Его целью было усиление сотрудничества по вопросам развития ядерных технологий и ядерного нераспространения. Тем

не менее, сотрудничество было прекращено после так называемого *Доклада Кокса* и последующих обвинений в китайском ядерном шпионаже.

Сотрудничество было возобновлено лишь в мае 2004 г., когда стороны подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу сотрудничества в области энергетической политики. Первые встречи в рамках меморандума прошли в 2005 и 2006 гг. Министр энергетики США Сэмюел Бодман заявил, что США и КНР должны укреплять сотрудничество в области энергетической безопасности, способствующее экономическому росту двух стран. США призывают Китай совместными усилиями отвечать на вызовы, стоящие перед глобальным энергетическим рынком.

В 2006 г. состоялся первый китайско-американский форум по вопросам глобальной экономики, в повестке дня которого первое место заняли вопросы энергетической безопасности, механизмов энергетического рынка и сотрудничества в области чистой энергетики. Форум положил начало американо-китайскому стратегическому экономическому диалогу, результатом которого явилось подписание в декабре 2006 г. протокола по энергетической эффективности и возобновляемой энергии и меморандума о взаимопонимании, предполагающего закрепление за корпорацией *Westinghouse* возможности строительства четырех энергоблоков *AP-1000* в Китае. Это должны были быть первые энергоблоки третьего поколения в Китае. Меморандум также предполагал возможность передачи технологии. Сегодня энергоблоки находятся в стадии строительства.

В ноябре 2009 г. во время визита президента США Барака Обамы в Пекин стороны согласовали семь совместных программ и инициатив в области чистой энергетики. Речь идет о создании Американо-китайского исследовательского центра чистой энергетики, инициативе по совместной разработке и выпуску электромобилей, совместном плане действий в области энергоэффективности, программе американо-китайского партнерства по возобновляемым источникам энергии, инициативе «Уголь XXI века», инициативе по сланцевому газу и программе американо-китайского энергетического сотрудничества.

Остановлюсь подробнее на самых важных из этих программ.

Американо-китайский исследовательский центр чистой энергетики учрежден в январе 2011 г. В течение 5 лет в фонд Центра решено вложить 150 млн долл. для развития новых энергетических технологий.

Совместный план действий в области энергоэффективности предполагает разработку системы норм и проверок для промышленных предприятий, обмен опытом в сфере маркирования предприятий по уровню энергоэффективности, а также ежегодное проведение Американо-китайского форума по энергоэффективности. В рамках данного плана действий создан и функционирует Китайско-американский союз по проблемам энергоэффективности — некоммерческая организация, объединяющая ключевых экспертов в области энергоэффективности обеих стран. В сотрудничестве с Государственным советом по защите природных ресурсов США союз разработал первую широкомасштабную программу по внедрению технологий энергоэффективности в провинции Цзянсу (Китай). Позднее такие программы были разработаны для Пекина и Шанхая.

Американо-китайское партнерство по возобновляемым источникам энергии предполагает предоставление технологических и аналитических ресурсов, а также обмен опытом в рамках взаимодействия между региональными субъектами обеих стран для поддержки развития возобновляемых источников энергии. В рамках партнерства, в частности, в 2009 г. подписано соглашение по строительству солнечной электростанции мощностью 2 ГВт между *First Solar* и местным правительством Ордоса (Внутренняя Монголия). Проект является частью программы строительства особой демонстрационной зоны в Ордосе с солнечными, ветровыми, водными электростанциями и электростанциями на биомассе совокупной мощностью 11,95 ГВт.

Наиболее интересной для Китая является инициатива по продвижению сотрудничества в области чистого использования угля — «Уголь XXI века». Ведь именно уголь, имеющий в китайском энергобалансе долю до 70%, является основной причиной ухудшения экологической ситуации в стране. Практические шаги в рамках инициативы включают:

- грант Агентства по торговле и развитию США китайской фирме *China Power Engineering and Consulting Group Corporation* на разработку исследования по строительству электростанции комбинированного цикла комплексной газификации в Китае с использованием американских технологий;
- соглашение с американской компанией *Peabody Energy* о ее участии в *GreenGen*, партнерском проекте нескольких крупных китайских энергетических компаний с целью разработки угольной электростанции с нулевыми выбросами³;
- создание совместного предприятия между *General Electric* и китайской компанией *Shenhua Group*, которое будет заниматься развитием проектов газификации угля и других соответствующих технологий;
- соглашение между американской AES (через дочернюю компанию *Climate Solutions Asia*) и китайскими фирмами *Shenzhen Dongjiang Environmental Recycled Power Company* и *Songzao Coal and Electricity Company* о создании совместного предприятия по использованию метана, отводимого из угольной шахты в Чунцине, для выработки электроэнергии и сокращения выбросов парниковых газов.

Важным технологическим вызовом для китайских компаний на континенте является разведка и добыча сланцевого газа⁴. При этом у американских энергетических корпораций имеется значительный опыт в этой сфере. Инициатива по сланцевому газу предполагает использование опыта США, проведение совместных исследований по разработке потенциальных запасов сланцевого газа в КНР, а также привлечение инвестиций в эту сферу. Так, в феврале 2012 г. компания *Шеврон* заявила о начале совместной с китайскими партнерами разведки месторождений сланцевого газа в Китае в Цяньнаньском бассейне (Гуйчжоу).

Наглядным примером реализации сотрудничества между американскими и китайскими компаниями служит проект газовой электростанции *Таи Янгун* (Пекин), которую отличают высокая эффективность и низкие выбросы (эффективность электростанции — 58–79%, в то время как по стране средний показатель 45%). Электростанция построена к Олимпиаде-2008 в Пекине и оборудована турбинами с использованием технологий *General Electric*.

Важную роль в продвижении энергетического взаимодействия между Китаем и США сыграли региональные структуры, прежде всего АТЭС. Энергетическое сотрудничество в рамках АТЭС с 1990 г. координируется постоянным секретариатом рабочей группы по энергетике. В рамках энергетического направления деятельности АТЭС функционирует Азиатско-Тихоокеанский энергетический исследовательский центр, создаются специализированные рабочие группы по направлениям — статистические обзоры, энергетическая эффективность и энергосбережение, экология энергетики, обмен технологиями, разработка минерально-сырьевых ресурсов. По итогам дискуссий в рамках АТЭС была сформулирована Инициатива в области энергетической безопасности, первый вариант которой был одобрен в 2001 г. на саммите АТЭС в Шанхае. Итоговый документ 2004 г. представляет собой комплекс краткосрочных и долгосрочных мер, нацеленных на обеспечение бесперебойного снабжения экономик АТЭС энергоносителями. Содержание Инициативы расширилось в соответствии с рекомендациями министров энергетики АТЭС и лидеров экономик-участниц. Инициатива нацелена на развитие сотрудничества в области мониторинга, обработки и обмена данными

о мировом производстве и потреблении углеводов, на создание стратегических топливных резервов, на диверсификацию источников энергии и пропаганду использования СПГ, на повышение роли ядерной энергетики, энергоэффективности, внедрение альтернативных источников энергии и новых энергосберегающих технологий, на обеспечение безопасности морских коммуникаций.

Кроме того, в январе 2006 г. между Китаем, США, Австралией, Индией и Южной Кореей создано Азиатско-Тихоокеанское партнерство в области чистого развития и климата. Целью партнерства является разработка зеленых технологий, обеспечение энергетической безопасности и борьба с загрязнением атмосферы.

Рассуждая о конфликтном потенциале между странами, важно принимать во внимание их ключевые интересы и задачи развития. Энергетическая сфера взаимодействия между Китаем и США наглядно демонстрирует возможности развития насыщенного конструктивного диалога, сдерживающего конфликтные тенденции в рамках двусторонних отношений.

ВЯЧЕСЛАВ АМИРОВ (ИМЭМО РАН): Придя к власти в США в начале прошлого десятилетия, администрация Джорджа Буша-младшего сделала стратегический выбор в пользу поддержки вступления Китая во Всемирную торговую организацию. В целом же внимание этой администрации концентрировалось на Афганистане и Ираке, в ущерб Юго-Восточной Азии и Восточной Азии вообще. Администрации Барака Обамы пришлось заново поворачиваться к этому региону. Именно туда отправилась в свою первую зарубежную поездку госсекретарь Хиллари Клинтон, сделавшая это вполне намеренно. В своей недавней статье для журнала *Foreign Policy* она пишет, что США потратили 60 лет на строительство трансатлантической безопасности, теперь же переходят к строительству тихоокеанской безопасности и приложат к этому необходимые усилия. Понятно, что это связано с Китаем. Кстати, о России, о российских интересах в регионе, о котором сегодня идет речь, в статье, как и во многих выступлениях тех или иных представителей США, не говорится ни слова. Это тоже нужно иметь в виду.

Соединенные Штаты при первой администрации Буша попытались активизировать свое участие в различных экономических интеграционных форматах в АТР, но мало что получилось. Поэтому нынешней администрации пришлось в срочном порядке продавливать подписание соглашения о свободной торговле с Южной Кореей, которое *зависло* в Конгрессе. Идея создания Транстихоокеанского партнерства (которая возникла без участия США, но которой США в последнее время начали уделять пристальное внимание) связана с тем, что Китай сначала удивил Японию предложением заключить соглашение о свободной торговле со странами АСЕАН, а затем продвинулся в этом быстрее Японии. Затем последовало предложение о создании финансового пула в Восточной Азии (что можно считать откликом на финансовый кризис 1997–1998 гг., больно ударивший по целому ряду стран региона).

Продвижение идеи Транстихоокеанского партнерства (ТПП) — это попытка Соединенных Штатов перехватить инициативу. В последние годы произошла активизация политики альянсов, в частности в отношениях США с Индией, Японией и Южной Кореей, а также Австралией. Размещение воинских контингентов в Австралии (2500 человек) — продолжение курса на перегруппировку американских вооруженных сил на Тихом океане, одобренного Дональдом Рамсфельдом еще в 2004 г. Это долгосрочная стратегия создания инфраструктуры, которая бы позволяла вооруженным силам США быстрее и более гибко реагировать на различные ситуации, возникающие в регионе (вплоть до природных катаклизмов). Все эти шаги — прежде всего ответ на активизацию Китая, на повышение удельного веса Китая в экономике и в региональных делах, на постепенный переход Китая к более активной внешней и внешнеэкономической политике.

И все же отношения Соединенных Штатов и Китая носят скорее характер стратегического взаимодействия, чем конфронтации. С точки зрения интересов России это гораздо выгоднее, чем любая конфронтация между этими государствами. Конфронтация неинтересна и для других партнеров США и Китая в данном регионе.

2011 г. показал нам смену акцентов. Например, визит Ху Цзиньтао в начале года проходил уже в менее формальной обстановке, чем до этого проходили визиты руководителей КНР в США. В 2011 г. активизировался диалог по военной линии. Впервые состоялась конференция губернаторов Соединенных Штатов и руководителей китайских провинций. Большой шаг вперед — это разделение стратегического диалога на собственно стратегический и экономический. В 2011 г. была достигнута договоренность о начале диалога по вопросам АТР. И опять же, Россию здесь не видят. Нам необходимо сделать все возможное для того, чтобы не остаться в стороне от идущих в регионе процессов.

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ: ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АЗИИ

ТЕРЕХОВ: Опасная двусмысленность в нынешнем состоянии американо-китайских отношений нигде не проявляется столь отчетливо, как в Тайваньской проблеме. За 60 с лишним лет Китай ни на шаг не приблизился к решению своей стратегической задачи — присоединению Тайваня. Само содержание Тайваньской проблемы сводилось к принципиальной несовместимости исходных позиций США и Китая. Дуглас МакАртур на слушаниях в Конгрессе в 1951 г. сказал: «Потеря Тайваня отодвинет наши границы до побережья Калифорнии». Вполне вероятно, что такое отношение определяет позиции США и на сегодняшний день. КНР же рассматривает Тайвань в качестве своей неотъемлемой территории, а процесс восстановления территориальной целостности считает своим внутренним делом. Изменения в стиле публичной риторики не привели к изменению содержательной ее стороны.

После избрания в 2008 г. на пост президента Тайваня Ма Инцзю, руководителя партии Гоминьдан, начался процесс снижения напряженности в Тайваньском проливе, сопровождавшийся стремительным ростом двусторонней торговли и взаимных инвестиций. В 2010 г. было заключено рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве. Судя по всему, стратегической целью Ма Инцзю является снижение уровня военного противостояния в Тайваньском проливе и максимально долгое сохранение специфического, де-факто независимого статуса Тайваня при дальнейшем развитии крайне выгодных торгово-экономических связей с КНР. Напомню, что Ма Инцзю давно придерживается *принципа трех нет*, а именно: нет независимости, нет воссоединению, нет угрозе военной силой. Это никак не согласуется со стратегией Китая по присоединению Тайваня. К маневрам вокруг Тайваньской проблемы вполне может подключиться такой весомый региональный игрок, как Япония. Тайваньская проблема влияет на все другие проблемы в отношениях Китая и с соседними странами, и с Соединенными Штатами. Я пока не вижу бесконфликтного выхода из нее.

Районом взаимных военных демонстраций становится Южно-Китайское море, где между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии уже длительное время ведутся споры по поводу принадлежности архипелага Спратли. Этот архипелаг занимает исключительно важное стратегическое положение, поскольку находится вблизи важнейшего маршрута транспортировки углеводородов (в Японию по этому пути поступает около 90% углеводородов из Персидского залива). Кроме того, в районе архипелага залегают крупные запасы нефти и газа, которые уже частично разрабатываются Китаем, Филиппинами, Вьетнамом.

СУМСКИЙ: Проблема Южно-Китайского моря используется нынешней администрацией США — и используется эффективно — для целей, для которых рань-

ше не удалось использовать ни Тяньаньмэнь, ни Тибет, ни Тайвань, ни Синьцзян, ни секту Фалунгунь, ни Нобелевскую премию мира. Ведь соответствующие вопросы муссировались американцами с целью вбить клин между Китаем и остальной Азией. Ухватившись за проблему Южно-Китайского моря, они наконец-то добились своего.

За последние три года Китай не высказывал применительно к островам Южно-Китайского моря никаких претензий, которых он не высказывал бы в прошлом. Тем не менее, упорно делается акцент на том, что *агрессивность* Китая возрастает, и он становится источником угрозы для региональных соседей. А они весьма восприимчивы к подобным посылам, ибо исключительные экономические успехи Китая вызывают неоднозначные чувства. Опасения по поводу того, что рано или поздно эти успехи обернутся демонстрацией военной силы, прямо-таки витают в воздухе.

Вместе с представлениями о растущей китайской агрессивности насаждается представление об исключительной важности, в связи с проблематикой Южно-Китайского моря, таких вещей, как *безопасность морских коммуникаций и свобода судоходства*. Подобными клише пестрит сегодня огромное количество материалов, посвященных Южно-Китайскому морю. С моей точки зрения, вопрос о безопасности морских коммуникаций абсолютно надуман. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не нарушались и не будут нарушены в этой акватории, через которую проходит, по разным данным, от 2/5 до половины всей мировой морской торговли, а также перевозятся огромные партии углеводородов. Суть дела в том, что морские коммуникации не являются собственностью какого-то отдельного государства или участника мировой торговли, они являются общим достоянием. В их безопасности заинтересованы все — и Китай, и США, и Япония, и если бы каким-либо образом их безопасность была нарушена, мы бы мгновенно узнали это по резкому ухудшению состояния мировой экономики. На морских коммуникациях в Южно-Китайском море все спокойно, и все инциденты, которые там происходят, к морским коммуникациям как таковым отношения не имеют.

А вот проблема свободы судоходства действительно есть. Дело в том, что США под свободой судоходства понимают свободу ведения военной деятельности в чужих 200-мильных экономических зонах. Вести эту деятельность именно в Южно-Китайском море для американцев важно по той причине, что на острове Хайнань обустроена одна из главных баз военно-морского флота КНР, в том числе подводного. Замеры конфигурации дна, глубин и других показателей, на основе которых можно было бы вычислять маршруты движения китайских подводных лодок, делаются американскими кораблями-разведчиками чуть ли не в ежедневном режиме.

Протяженное тихоокеанское побережье Китая обложено еще с начала 1950-х гг. американскими военными базами так, что реально развернуться в военно-морском отношении он может лишь в акватории Южно-Китайского моря. Перспектива превращения Китая в военно-морскую державу, перспектива создания глубоководного флота связана именно с этой акваторией. Оттого он и претендует на то, чтобы владеть ею целиком.

В общем, американцы сумели оформить свою линию поведения применительно к Южно-Китайскому морю с помощью такой фразеологии, которая позволила им подтянуть к себе поближе страны АСЕАН. Осязаемые результаты американского *маневрирования* вокруг Южно-Китайского моря — третины по линии Китай–АСЕАН, осложнения в двусторонних отношениях Китая и Вьетнама, осложнения в двусторонних отношениях Китая и Филиппин, внутренние осложнения в самой АСЕАН.

АЛЕКСЕЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ (МГИМО(У) МИД РФ): Я хочу оспорить тезис о том, что ничего не изменилось в отношениях КНР и Тайваня. Напротив, произош-

ли принципиальные вещи. Первое — это рост товарооборота. КНР превратилась в основного торгового партнера Тайваня, поставила его в торгово-экономическую зависимость от себя. Второе — произошло военное усиление Китая. Некоторых японцев это заставило думать о том, что США готовы пожертвовать Японией в случае непредвиденного разворота событий. Тогда что же говорить о Тайване? Китай закупил *Варшавянку* — от 9 до 12 подводных лодок, которые если и не позволяют устанавливать блокаду, то представляют существенную проблему для того, чтобы авианосная группа могла вплотную приблизиться к Тайваню и защищать его. С военно-технической точки зрения, это новый поворот в ситуации вокруг Тайваня.

Что же касается островов в Южно-Китайском море, то и здесь произошли очень большие изменения. Проблема островов была всегда. Однако в последнее время Китай начал строить аэропорты — сейчас на этих островах их уже четыре; у Китая появился самолет Су-27; Китай приобрел у Израиля систему дозаправки в воздухе; Китай строит авианосец. Положение об островах в Южно-Китайском море появилось в концепции фундаментальных интересов, а в области фундаментальных интересов Китая на компромиссы не идет.

И наконец, вопрос о судоходстве. Китай всегда болезненно относился к проблемам судоходства через Малаккский пролив. Четыре-пять лет назад китайские военные открыто стали говорить, что поставки нефти через Малаккский пролив — это большая стратегическая проблема. Если посмотреть на карту, то станет понятно, что значит суверенитет над этими островами, оспариваемый шестью странами. Эти острова находятся в 1000 км от Китая и в 500 км от Вьетнама. Что значит «1000 км от Китая»? Это 200 миль экономической зоны, плюс 1000 км, плюс система дозаправки, которая позволяет их военным образом защищать, и получается проекция границ Китая на 1500 км.

СУМСКИЙ: Когда я говорил, что ничего не изменилось, то имел в виду официальную позицию Китая по островам Южно-Китайского моря. Масштабы его притязаний остаются теми же, какими они были 40 лет назад.

Немного о том, откуда пошло представление, что отныне КНР относится к островам Южно-Китайского моря как к предмету своих фундаментальных интересов. В марте 2010 г. в Китай приезжала небольшая делегация Совета национальной безопасности США, чтобы обсудить вопрос о том, как сблизить позиции двух стран по отношению к Ирану, и там обсуждался весь спектр вопросов американо-китайских отношений. Есть данные, что именно тогда — на переговорах с американцами, а не в общении с кем-то из регионального окружения — и прозвучала формула *фундаментальные интересы* применительно к островам Южно-Китайского моря. Характерно, что США не спешили сообщить об этом остальному миру. Эту честь предоставили японскому агентству *Киодо Цусин* спустя три месяца, накануне очередной сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). Тем самым была подготовлена почва для выпадов в адрес Китая, которые допустила на заседании АРФ Хиллари Клинтон и которые откровенно раздосадовали китайцев.

СЕРГЕЙ ЛУЗЯНИН (ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН): Хотел бы сделать две небольшие ремарки. Первое: В.Б. Амиров справедливо отметил, что противостояние между Китаем и США невыгодно всем соседним странам, включая Россию. Однако взглянем на проблему с другой стороны. Во время советско-американского противостояния Китай извлек из него максимум выгоды. Сегодня складывается новая дихотомия — китайско-американская. России логичнее было бы отойти в сторону, *сесть на гору*. Две страны не допустят вооруженного противостояния, но политически они будут противостоять друг другу, сдерживать друг друга, и России выгодно было бы наблюдать за этим военным сдерживанием и противостоянием, не участвуя напрямую.

И второе. Я согласен с В.В. Сумским и с А.Д. Воскресенским в том, что Южно-Китайское море — это эпицентр, о котором много пишут и говорят. Сегодня мы наблюдаем новое качество региональной политики Китая, включая политику в отношении Южно-Китайского моря. Важная причина — в том, что США пытаются придать многосторонний характер поискам урегулирования китайско-вьетнамского, китайско-филиппинского и иных территориальных споров. Но Китаю подобные пути урегулирования невыгодны. Ведь и в правовом, и в региональном, и в политическом аспекте такой подход соответствует американским правилам игры. Именно с этим связана более жесткая позиция, которой в последние годы стал придерживаться Китай.

КИТАЙ VS США: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНА

ГЕННАДИЙ ЧУФРИН (ИМЭМО РАН): Современные американско-китайские отношения имеют сложный, многоплановый характер. Они развиваются в диапазоне взаимозависимости, в первую очередь, экономической, и конфронтации по политическим и военно-стратегическим и экономическим вопросам. Эти отношения носят динамичный характер. Было бы ошибочно с нашей стороны зафиксировать слепок сегодняшней ситуации и полагать, что на этом развитие отношений США и Китая остановится.

Я полагаю, что нам нужно учитывать еще две группы факторов, которые влияют на характер отношений. Первая группа факторов носит ситуативный характер. Наиболее очевидной в этом плане является внутривнутриполитическая борьба в самих США в преддверии президентских выборов, которая в значительной степени диктует поведение и республиканцев, и демократов, и поведение президента Обамы: он и на Гавайях, и на Бали, и в Австралии. Республиканец Ромни выступает с жесткой критикой Китая, но в то же самое время скупает предприятия в штате Огайо, переносит их на территорию Китая, *выгоняет на улицу американских рабочих*.

Но есть и фундаментальные противоречия. Они характеризуются изменением баланса сил, и это необратимый процесс. Изменение баланса сил наиболее очевидно в экономической и военной сферах. Китай — пока не сверхдержава, но это уже глобальная, а не региональная держава. Соответственно формируется и модус реагирования на все процессы, которые происходят не только вблизи Китая, но и в мире. Для Китая вопрос о безопасности морских коммуникаций гораздо более актуален, чем для Соединенных Штатов. В современных условиях доставки значительной части ресурсов с Африканского континента в Китай этот вопрос приобретает огромное значение. И это определяет, или может определять, динамику отношений России с Китаем, поскольку мы в состоянии предложить наиболее надежные пути доставки энергоресурсов через территорию России и, при нашей поддержке, через территорию Центральной Азии. Открываются реальные возможности развития взаимодействия между Россией и Китаем в свете того меняющегося баланса сил, который мы наблюдаем.

СЕРГЕЙ ЛУНЕВ (МГИМО(У) МИД РФ): В обозримом будущем останется только три очевидных мировых центра. Это США, Китай и Индия. Сохранятся ли в качестве таких мировых центров Европа, Япония, Россия, на данный момент не столь очевидно. Возможно, и сохранятся, но только при очень благоприятных стечениях обстоятельств и при очень активной работе своих политических и экономических элит. Хотел бы обратиться к формирующемуся южноазиатскому центру и посмотреть, каковы там реакции на развитие отношений Китая и США.

Характер индийско-американских отношений очень сильно изменился за последние 20 лет. В течение всего периода шло заметное улучшение отношений и повышение их уровня, так что сейчас появилась возможность говорить о стратегическом диалоге между Индией и США.

За этим улучшением отношений стоят серьезные изменения, происходящие и в мире, и на самом субконтиненте. Индия приблизилась к статусу великой державы по всем четырем параметрам (экономическому, военному, политическому, цивилизационно-культурному). Одновременно резко упало значение этих показателей у Пакистана. Американо-пакистанские отношения, которые раньше назывались стратегическими, перестали быть таковыми.

Экономическое сотрудничество США и Индии развивается достаточно быстрыми темпами, и вплоть до последнего времени США были главным экономическим партнером Индии (замечу в скобках, что сейчас это место занимает КНР). В 1960-е гг. начинается третья волна индийской миграции — в развитые страны. Основная часть населения, если не брать во внимание зону Персидского залива, направлялась в США. Сейчас в США проживают порядка 3 млн американских граждан индийского происхождения, причем положение они занимают исключительное, поскольку речь шла о миграции индийской элиты. Среди этнических диаспор они занимают второе место по душевому доходу, 2/3 представителей индийской диаспоры имеют высшее образование. Одно из знаковых событий 2006 г. — подписание Соглашения 123 по сотрудничеству в ядерной энергетике. США, недавно критиковавшие Индию за испытания ядерного оружия, согласились на сотрудничество в ядерной сфере, на поставки Индии ядерного топлива, за что Индия берет на себя обязательства разделять гражданскую и военную ядерные программы.

Внутри Индии наблюдаются разные взгляды на сотрудничество с США. Проамериканские силы представляет Индийский национальный конгресс. В оппозиции к развитию отношений с Соединенными Штатами выступают как левые, что естественно, так и правые, что иногда не всем понятно. Правая оппозиция, *Бхаратия джаната парти* (Индийская народная партия), как гораздо более националистическая сила, чем Индийский национальный конгресс, недовольна развитием отношений с США, особенно в военно-политической и ядерной сферах.

В целом в Индии достаточно хорошо относятся к США, что нетипично для азиатской страны. Россию в Индии меньше критикуют, но и восхищаются ею меньше, чем США. При этом Индия, чья главная внешнеполитическая цель — превращение в великую державу, выступает против однополярного мира. Безоговорочное господство США индийцев не устраивает. Для Индии независимый внешнеполитический курс всегда был принципиален, и в этом — главная причина определенных расхождений.

Как ни парадоксально, но по основным проблемам мировой политики Индия голосует в ООН так же, как Китай. В чем-то Индия стремится лавировать между США и Китаем. Для такого лавирования нужны точки соприкосновения с Китаем.

20 лет проходила нормализация индийско-китайских отношений. Нормализация основывалась на трех вещах. *Во-первых*, ни Индия, ни Китай не желали однополярного мира. *Во-вторых*, и у той, и у другого были сильные опасения по поводу угрозы со стороны исламского экстремизма и радикализма, что во многом позволяет развивать связи и в треугольнике Россия–Индия–Китай (РИК). Наконец, между Индией и Китаем активно развивались экономические связи. Сейчас их торговый оборот составляет 65 млрд долл., это 10% всего внешнеторгового оборота Индии. Но есть и ряд факторов, сдерживающих развитие китайско-индийских отношений.

Первый из них — это Пакистан в качестве стратегического партнера КНР. Есть основания полагать, что первые испытания пакистанского ядерного оружия осуществлялись в 1980-е гг. на территории КНР. Сотрудничество продолжается и в настоящее время. Ракеты и средства доставки ядерного оружия — в основном китайские.

Второй фактор — это место Индии в стратегии окружения Китая, проводимой США. Впрочем, в настоящее время Индия скорее проводит политику баланси-

рования между США и Китаем, пытаюсь избежать одностороннего примыкания к кому-то из них.

В ближайшие 10–15 лет сотрудничество в форматах РИК и БРИКС будет расширяться. Индия связывает с ними возможность движения к многополярному миру, где Южная Азия с центром в Индии станет одним из основных игроков.

ДМИТРИЙ МОСЯКОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): Мы воспринимаем отношения Индии и Китая в более позитивном ключе, чем они есть на самом деле. На конференции по Южно-Китайскому морю в Ханое, состоявшейся 4–5 ноября 2011 г., индийские представители выступали очень эмоционально и в очень антикитайском духе. Это чувствовалось, например, когда они касались проблем штата Аруначал-Прадеш, Тибета, Аксай-Чина. Многие их заявления звучали, мягко говоря, алармистски. Они спрашивали: зачем Китаю провоцировать индийскую враждебность, выдвигая претензии и на северо-востоке, и в Гималаях, если китайская задача в течение ближайших 10–15 лет — совместно выступать по ключевым вопросам? Какой тогда смысл в постоянном разжигании напряженности?

ЛУНЕВ: Многие проблемы достались Индии (как и Пакистану) в наследство от бывших колониальных хозяев. Скажем прямо, Аруначал-Прадеш — территория, захваченная и включенная в состав Индии британскими колонизаторами.

Что касается провокаций со стороны Китая, на которые сетуют индийцы, то отмечу следующее. Что такое американо-индийские маневры на границе с КНР? Не что иное, как провокация со стороны Индии. Как понимать заявление индийского министра обороны о том, что Китай — соперник Индии номер один? Здесь идет сложная политическая игра в чисто азиатской манере, в которой индийцы тоже прибегают к провокациям.

НИКОЛАЙ МАЛЕТИН (МГИМО(У) МИД РФ): АСЕАН, как и Юго-Восточная Азия, очень медленно превращалась из объекта международных отношений в субъект международных отношений. Этот процесс шел более успешно в политической сфере, в сфере безопасности, но очень задержался в экономической сфере, и преждевременно утверждать, что АСЕАН полностью состоялась как экономическая группировка.

АСЕАН выжила после холодной войны только потому, что выбрала, с учетом расстановки сил, правильный путь развития. Когда биполярному миру пришел конец, некоторые полагали, что АСЕАН прекратит свое существование, поскольку это дитя холодной войны. Но асеановцы оказались в выигрышной позиции, поскольку стали выступать в сложной региональной обстановке в роли посредника. Самостоятельно решать серьезные экономические и политические вопросы, а также вопросы безопасности они, безусловно, не могли. С экономической точки зрения они предложили свою зону свободной торговли — АФТА в 1991 г. Для обеспечения безопасности был взят курс на то, чтобы объединить все 10 стран Юго-Восточной Азии, приглушив противоречия между ними. В 1994 г. эта линия привела к созданию Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ) с участием многочисленных диалоговых партнеров Ассоциации. Тем самым оформилась та посредническая роль, которую Ассоциация и прежде стремилась играть в восточноазиатских делах.

Вместе с тем, хотя сейчас за АСЕАН официально закреплено *водительское место* в делах регионального сотрудничества, тут больше символики, чем действительного лидерства. Все-таки экономические рычаги, которыми располагает АСЕАН, сравнительно слабы. То же относится к рычагам непосредственного давления или оказания влияния на развитие международных отношений в регионе. Центральным в асеановских политических усилиях, усилиях в сферах безопасности и экономики является элемент балансирования.

В 1997 г. в разгар финансового кризиса было принято решение о проведении ежегодных встреч в формате АСЕАН+3 (Южная Корея, Япония, Китай). В рамках этой схемы АСЕАН рассчитывала извлечь известную выгоду из соперничества Японии и Китая как более или менее равновесных игроков, но в 2005 г. бурно развивающийся Китай опередил замедлившуюся Япония, первым договорившись о создании зоны свободной торговли с АСЕАН. События экономического характера привели к тому, что Япония не может выступать активным конкурентом Китаю, и сейчас в этом вопросе Япония заменили Соединенные Штаты. Но если японо-китайское соперничество обещало выгоды странам АСЕАН, то американо-китайское соперничество чревато серьезными проблемами и для всей Ассоциации, и для отдельных ее членов.

АЛЕКСАНДР ВОРОНЦОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): В диалог Китая и США в его конфликтном и неконфликтном измерении самым непосредственным образом вовлечен Корейский полуостров. В 2010 г. произошло обострение межкорейских отношений — затонул южнокорейский фрегат *Чхонан*, в чем Юг обвинил Север. Далее началась серия американо-южнокорейских маневров, официально направленных на то, чтобы сдерживать агрессивность Северной Кореи, показать ей пагубность провокационного поведения.

Понятно, что внешне эта военно-политическая активность была адресована КНДР, но по сути дела — Китаю. США и Запад были крайне недовольны той однозначной политической поддержкой, которую Пекин оказал Пхеньяну, отказом от широкого применения санкций, принятых в рамках известных резолюций Совета Безопасности. Вопрос поставили четко: с кем ты, Китай? С нами или с этим отвратительным диктаторским режимом? Если ты с ним, то против тебя будет объединенный альянс США и их союзников со всеми вытекающими последствиями, и вся их военная активность, так раздражающая Китай, примет постоянный характер. Как мы знаем, такая постановка вопроса не дала желаемого эффекта, и Китай продолжает делать то, что делал.

Экономическое сотрудничество КНР с КНДР возрастает, присутствие КНР в экономике КНДР расширяется. Китай выступает за отказ от упрямого использования санкций, за четкое разделение военных и невоенных аспектов. Китай считает необходимым использовать санкции таким образом, чтобы они не повлияли отрицательно на гражданский сектор экономики КНДР, и придерживается позиции, что санкции должны быть направлены конкретно против военных программ, прежде всего ракетно-ядерных.

Нынешнее руководство Республики Корея во главе с Ли Мён Баком избрало путь конфронтации с КНДР. Эта администрация — одна из наиболее проамериканских администраций Республики Корея. Если предшествующие администрации в рамках военно-политического союза с США пытались, насколько возможно, держаться в стороне от американо-китайских разногласий, то сейчас мы видим, что Республика Корея однозначно выступает на стороне США и вносит свой вклад в политику *страхования рисков*. Главная военная база США переносится в Пхёнхэк, что на берегу Желтого моря. Еще одна новая база строится на острове Чеджудо, причем делаются заявления, будто она не будет использована американцами против Китая (приводится забавный аргумент, что база находится слишком близко к Китаю и потому уязвима для китайского удара), но это убеждает далеко не всех, в том числе в самой Корее.

На данном этапе мы видим, что выбор Китая — в пользу поддержки КНДР, в пользу недопущения коллапса и распространения сценариев, получивших широкое и успешное развитие на Ближнем Востоке. В Сеуле много говорят о том, что распространение ближневосточных сценариев на дальневосточный регион объективно и неизбежно. Китай же продолжает придерживаться прежней линии — демонстрирует решимость не допустить коллапса режима в КНДР, резкого изменения баланса сил и роста напряженности на Корейском полуострове.

Сейчас Корейский полуостров даже в большей степени, чем прежде, — зона, где Китай и США соперничают, но в то же время пытаются сотрудничать. Китайский трехфазовый план возобновления шестисторонних переговоров изучается. Какое-то движение в этом направлении наблюдается, но, похоже, что партнеры по шестисторонним переговорам не спешат их перезапустить. И это при том, что благодаря активным усилиям китайской и российской дипломатии КНДР на высшем уровне подтвердила готовность к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров. Если и в Пекине, и в Москве такую позицию приветствуют, то в Вашингтоне и Сеуле — настаивают на предварительных условиях. Правда, их перечень сокращается, но полностью это требование не снимается. Трудно сказать, когда эти переговоры возобновятся, но, по крайней мере, это один из каналов взаимодействия между Пекином и Вашингтоном.

Закончу констатацией, что сценарий прямого столкновения между Китаем и США — страшный сон и для обеих Корей, и для всех стран региона, ибо в подобном случае неизбежно пришлось бы принимать чью-то сторону. При этом Республика Корея — в силу союзнических обязательств и в силу курса, избранного в последнее время — глубже, чем раньше, вовлекается в американскую стратегию, направленную против Китая.

НАТАЛЬЯ СТАПРАН (МГИМО(У) МИД РФ): Одним из интересных проявлений динамики присутствия США в АТР являются отношения в треугольнике США–Япония–Австралия. В 2007 г. Япония заключила договор о сотрудничестве в области безопасности с Австралией — подобный договор у нее есть только с США. Таким образом, происходит формирование треугольника. Как он вписывается в общую политику США в регионе?

Основы текущей политики США в АТР были заложены в 2004 г. В последние годы, как уже отмечалось сегодня, наблюдается рост американо-китайского противостояния в разных сферах. Однако в целом можно выделить не одну, а две одновременных тенденции — противоборство и взаимозависимость. С одной стороны, американцы пытались включиться в интеграционные процессы в Азии, с другой — последовательно укрепляли свои военно-политические альянсы с отдельными странами. Хорошим шансом заявить свои позиции в регионе было председательство США в АТЭС, однако реализовать идею объединения союзников не удалось ни через АТЭС, ни через Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Именно в этом контексте стоит рассматривать хоть и небольшое, но агрессивное передислоцирование контингента в 2,5 тыс. военнослужащих в Австралию.

Япония, так же как и большинство остальных стран региона, не заинтересована в эскалации противоречий и противостояния между США и Китаем. Япония не готова принимать ту или иную сторону. Японцы видят в Соединенных Штатах гаранта своей безопасности, но одновременно Япония, предоставляя серьезный денежный транс АСЕАН, подтверждает свою заинтересованность в хороших отношениях с соседями по региону. США не прибегают к увеличению контингента ни в Южной Корее, ни в Японии, они выбирают Австралию. Это, на мой взгляд, сигнализирует о том, что азиатские партнеры и союзники все-таки не принимают Соединенные Штаты. По большому счету, это признак бессилия США в регионе.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Недавно я побывал в той точке ЮВА, где сходятся три границы — тайландская, лаосская и мьянманская. Другими словами — в легендарном *Золотом треугольнике*, где сейчас происходят примечательные события. Традиционно *Золотой треугольник* известен как *опиумный регион*. Правда, сейчас в ходу не столько опиаты, сколько метамфетамин, да и пути транспортировки изменились. Но в общем это по-прежнему криминальный центр ЮВА. Кто сейчас верховодит в этом центре? Верховодят там китайцы. Они взяли в аренду острова по Меконгу, принадлежащие Лаосу, открыли там свои казино, где фактически отмывают средства, вырученные от наркоторговли ими самими, а заодно, по-видимому, представителями местных военных и криминалитета. Так что пози-

ция у китайцев интересная: им принадлежит и экономическое, и криминальное верховенство.

Местное население, включая силы безопасности, пытается их приструнить. Когда я находился в Чиан Сене, силы полиции Таиланда расправились с тринадцатью китайскими матросами, которые приплыли в *Золотой треугольник* на двух речных торговых судах, — кажется, собирать дань с подконтрольных им наркоторговцев. Как реагируют на это китайцы? В данном случае речь уже не о криминальных авторитетах, а о государственной машине КНР. Китай отзывает все свои торговые суда, которые находятся на Меконге (а их порядка тридцати). Таиланду (а заодно и двум другим государствам — Мьянме и Лаосу) фактически ставится ультиматум, но довольно-таки красиво. Мол, эти торговые суда возобновят свои рейсы только под военным эскортом, состоящим из пяти кораблей с экипажами примерно в тысячу человек. Судя по всему, соседние государства с этим смиряются, если уже не смирились. Вот так, пользуясь гибелью своих граждан, пусть и заподозренных в уголовных деяниях, власти Китая форсируют проникновение, в том числе военное, на интересующие их пространства.

Настроения местных жителей очень противоречивы: с одной стороны, китайцев явно недолюбливают. С другой стороны, те же местные жители знают лучше всех: сколько-нибудь значимое сокращение экономического присутствия Китая обернется для них безработицей и безысходностью. Американский фактор уже никого особенно не греет. Ну, тренируют американцы тайских пограничников, борцов с наркоторговлей, но это — уже как бы между прочим. Уйдут США — и мало кто заметит. А вот без Китая там рухнет все. Китай собственные минусы переводит в плюсы, шантажирует соседей и делает это весьма умело. Думаю, даже временные отступления в Мьянме, где Китаю мешают строить нужную ему дамбу, будут каким-либо образом переведены в плюс. Все это должно быть уроком и для России, потому что поведение Китая показывает: он умеет добиваться своего, несмотря на сложное или даже негативное отношение к нему в регионе.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В РЕГИОНЕ С УЧЕТОМ СОСТОЯНИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ДМИТРИЙ МОСЯКОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): Первая дилемма, с которой сталкивается Россия, выстраивая свою политику в АТР, — как строить базовые отношения в данном регионе? Чему отдать предпочтение: развитию двусторонних отношений или же многосторонним форматам сотрудничества? На пути развития двусторонних связей вполне вероятны перекосы — скажем, в виде предпочтительных связей с Вьетнамом, который всегда был одним из наших союзников и центром приложения наших усилий в этом регионе. Ну, а уже дальше могут встать Малайзия, Сингапур, где-то между ними и Вьетнамом окажется Мьянма. С другой стороны, если мы сделаем акцент на многостороннем взаимодействии, то в каком формате — АТЭС, ВАС, ТТП? Какая из платформ такого рода наиболее перспективна в плане защиты наших интересов, обеспечения нашего регионального присутствия?

Второй круг вопросов связан с расколом, который американо-китайские противоречия порождают и внутри АСЕАН, и в правящих элитах отдельных стран, входящих в Ассоциацию. Формируется три группы стран и три основные фракции элит — проамериканская, прокитайская и нейтралистская. Классический пример нейтралистской позиции — позиция Индонезии. Она старается позиционировать себя как сила, способная успокоить ситуацию и ищущая для этого дипломатические пути. Но каковы реальные возможности нейтралистских сил? Насколько сильны те элиты, которые видят в АСЕАН самостоятельную политическую силу, способную кого-то уравновесить? Насколько надежны эти силы? Ведь потенциал центристов на этапе обострения противоречий, как правило, убывает. Конечно, России

было бы желательным иметь дело с нейтралистскими силами. Но где уверенность, что в разгар конфликта они не утратят жизнеспособность?

Третий круг вопросов, встающих перед нами, касается экономического присутствия. Четыре наших энергетических компании — *Башнефть*, *Лукойл*, *Зарубежнефть* и *ТНК-ВР* — уже практически выходят на шельф Вьетнама. Они участвуют в тендерах на разработку месторождений в ряде зон Южно-Китайского моря. Но там ведь возможны всякие инциденты и недружественные жесты. Не окажемся ли мы по результатам таких происшествий стороной в конфликте, не поставим ли под угрозу свои позиции?

Четвертый круг вопросов связан с военными делами, включая торговлю оружием. С одной стороны, у нас на глазах разворачивается гонка вооружений, строится китайский флот, флот Вьетнама (который тоже получает шесть российских подводных лодок), открывающая немалые возможности для поставщиков вооружений. Но тут ведь при очевидных выгодах есть и угрозы, вплоть до втягивания в конфликты, которые нам совершенно ни к чему.

Пятый круг проблем — это вопрос восприятия России. Такое впечатление, что нас в регионе не замечают. Как с этим быть? Стоит ли нам подключаться к процессам, которые там происходят, и каким образом? В общем, конечно, стоит. И прежде всего в экономической сфере. Но есть и вопрос о цене подключения. Насколько мы реально в состоянии занять ту позицию, то место, на которое претендуем?

Предлагаю поговорить об этих проблемах, разложить их по полочкам и постараться понять, каковы наши реальные шансы в АТР.

ОРЛОВ: Выгодно ли России противостояние Китая и США в регионе? Соглашусь с некоторыми выступавшими в том, что плюсы есть.

Первое Цинично говоря, втягивание США и Китая (если мы, конечно, будем *умной обезьяной*, и все произойдет без нашего участия) в определенную конфронтацию может облегчить России некоторые задачи.

Второй момент связан с противоракетной обороной. Очень интересно в Восточной Азии аukaется ЕвроПРО. Китайцы сильно переживают по поводу непоследовательности России, которая вроде бы осуждает американскую ПРО, но одновременно... предлаает сотрудничать в ее создании. Китайцы этого не понимают, пытаются объяснить Москве, что глобальная ПРО США — наша общая головная боль. Выступление Д. А. Медведева в ноябре 2011 г. стало для Китая серьезным, позитивным знаком того, что Россия имеет самостоятельную позицию, и многое будет зависеть от перспектив взаимодействия России и Китая по данному вопросу.

Третий момент. Если американо-китайская конфронтация будет нарастать (а у меня есть впечатление, что она будет нарастать), Россия не сможет вечно находиться над этой схваткой. Наверное, есть вероятность (и вовсе не обязательно — только риск), что мы скорее окажемся вместе с Китаем, чем с Соединенными Штатами.

С кем важнее для России работать в регионе — с группами стран или с отдельными странами? Наверное, как всегда в таких случаях, ответ — и так, и этак. Даже опыт Евросоюза на это указывает, хотя там проблемы несколько иные. На мой взгляд, Вьетнам, являясь нашим основным партнером в области атомной энергетики, должен им оставаться: борьба за Вьетнам ведется серьезная.

Я продолжаю настаивать на том, что России следует поспешить с выдвиганием в Мьянму, которая все время шлет нам сигналы: «Идите к нам, уравновесьте китайцев!». Мы же пока, к сожалению, не сыграли на опережение, и место балансира в этой стране стремятся занять США.

ИГОРЬ ЗЕВЕЛЕВ (МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ФОНДА МАКАРТУРОВ): Сначала обращаю внимание на некоторые мысли, которые уже были озвучены, близки

мне и созвучны тональности моих последующих ремарок. Выделю замечание В.В. Сумского: открывая заседание, он отметил, что тема нашей встречи выглядит как региональная, но на самом деле она глобальная. Соглашусь и с суждениями о многоплановости и динамичности отношений между КНР и США.

Считаю, что во втором десятилетии нашего века китайский фактор будет во все большей степени определять американскую политику в отношении России. В свою очередь, в китайской политике в отношении России постепенно усилится роль американского фактора. Может быть, второй из упомянутых процессов будет развиваться более медленно. Тем не менее, в среднесрочной перспективе у нас одновременно появляются и новые риски, и возможности укреплять свои внешние позиции, несмотря на серьезные внутренние проблемы.

Конечно, серьезные аналитики в Пекине понимают, что американо-российский антикитайский альянс — не такая уж серьезная угроза. И точно так же вряд ли кто-то в Вашингтоне боится китайско-российского антизападного союза. Но рассуждать-то надо не в категориях союзов, а в категориях мягкого балансирования, временных дипломатических коалиций по тому или иному поводу. И тогда позиция России оказывается достаточно важной и для Пекина, и для Вашингтона. Как мне представляется, и это уже отмечалось сегодня в отношении стран АСЕАН, американские отношения с Японией, Кореей и даже Индией во все большей степени определяются китайским фактором. И это в Вашингтоне во все меньшей степени скрывают.

Пока еще дело не дошло до ситуации, которая была в эпоху холодной войны. Китайский фактор пока еще не заслоняет в глазах США все остальное, что ни происходит в мире. Но тенденция движения в эту сторону очевидна. КНР будет все в большей степени позиционировать себя как глобальную державу, и именно по мере этого значение России с точки зрения США будет возрастать.

Уже отмечалось, что политика Барака Обамы в отношении КНР до самого недавнего времени продолжала политику Джорджа Буша, направленную на превращение Китая в *ответственного держателя акций* современного миропорядка и одновременно хеджирование рисков, связанных с ростом военной силы КНР. Если мы проанализируем официальные военные документы США, то заметим, что в последние годы там сквозит настороженность в отношении Китая. В 2008 г. Национальный совет по разведке впервые стал оперировать понятием многополярности, чего американцы избегали делать ранее, и это связано с Китаем. В 2010 г. 4-летний *Обзор оборонной политики* уже содержал призывы к управлению риском конфликта во взаимоотношениях с Китаем. И, наконец, в 2011 г. в военной стратегии США уже прямо выражается серьезная озабоченность по поводу масштабов и целей модернизации китайских вооруженных сил, их напористости в космосе, киберпространстве и Мировом океане. Там же говорится, что США будут выделять соответствующие ресурсы, дабы противостоять этому. На фоне подобных вещей все, что говорится в этих документах про Россию, выглядит как дружеское похлопывание по плечу.

До самого недавнего времени в США существовало противоречие между такой вот риторикой документов военного ведомства и разведки, с одной стороны, а с другой — официальной политической риторикой, где преобладала тема вовлечения Китая в сотрудничество.

Сейчас это противоречие стало сглаживаться. Начало этому было положено в статье Хиллари Клинтон в *Foreign Policy*, где анализ ситуации начинается с тезиса о необходимости укрепления военных союзов США в регионе. Россия объективно может оказаться в положении государства, которое, обладая меньшим потенциалом, чем два мировых тяжеловеса, тем не менее, может выбирать поочередно в качестве партнера то одного, то другого. В некоторых случаях и того, и другого, и это все будет определяться конкретной ситуацией. На мой

взгляд, несмотря на все слабости России на международной арене, ни одна другая держава не имеет таких возможностей, чтобы выступить в роли *swing state*. Но интеллектуально мы к этому пока не готовы, а, возможно, не вполне готовы и дипломатически.

Однако есть позитивные изменения. Недавно я закончил в соавторстве с Эндрю Качинсом работу, посвященную эволюции внешнеполитических дебатов в России с 1992 г. до наших дней. Среди прочего, мы пришли к выводу о постепенном отдалении внешнеполитического дискурса от вопросов национальной идентичности России. В 1990-е гг. внешнеполитический дискурс (не на уровне экспертов, а более широкий, включающий в себя заявления политиков и т.д.) был фактически продолжением дебатов славянофилов и западников. Но постепенно именно китайский фактор заставил экспертов и политиков быть более конкретными и учитывать реалии структуры международных отношений, а не какие-то идеологические вещи. Тем не менее, идеология продолжает играть гигантскую роль. Сегодня уже прозвучало не раз, что отношение к Китаю становится вопросом внутривнутриполитической борьбы в странах Азии, да и в России тоже.

ЕВГЕНИЙ КАНАЕВ (ИМЭМО РАН): Хочу затронуть вопрос о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) и о том, что нам целесообразно делать в этой связи. С моей точки зрения, ТТП — самый неудачный проект, инициированный американцами со времен СЕАТО. Американцы говорят, что ТТП позволит им вернуться в Азию в экономическом плане. Обратившись к цифрам, увидим, что товарооборот Вьетнама, ведущего переговоры о присоединении к ТТП, составил с таким будущим партнером, как Чили, 329,5 млн долл. При этом товарооборот того же Вьетнама с Южной Кореей — более 10 млрд, а с Китаем, который вряд ли когда-либо присоединится к ТТП, — почти 30 млрд долл. Получается, что объективной экономической основы у этого проекта нет.

Сейчас американцы и их будущие партнеры по ТТП не могут прийти к согласию относительно того, каким будет этот формат. США хотят заключать соглашения о свободной торговле на двусторонней основе, а их партнеры говорят о том, что им нужны унифицированные правила. Не понимаю, как американцы могут решить эту проблему в отношении с Малайзией, если у них на двустороннем треке не первый год буксуют переговоры о свободной торговле. Вот еще один знак того, что экономическая база этого проекта оставляет желать лучшего.

Есть и другие причины, по которым этот проект забуксует достаточно быстро.

Во-первых, Китай не присоединился и не присоединится к ТТП, поскольку

- опасается американского диктата в рамках этой структуры;
- участниками ТТП стали страны, которые либо имеют договоры о военном сотрудничестве с США, либо, наподобие Вьетнама, развивают с ним военные связи;
- свой интерес к партнерству анонсировал Тайвань.

Во-вторых, успешные проекты многостороннего сотрудничества вырастают на почве коллективных интересов, а не по команде (как хотелось бы американцам). Вспомним договор СЕАТО, инспирированный ими, из которого не получилось ни чего путного. Вспомним, сколько было попыток запустить многосторонний диалог до образования АСЕАН. Эти вещи должны созреть. В случае с ТТП такой готовности нет. Те методы кавалерийского наскока, к которым питают слабость американцы, в Восточной Азии понимания не находят.

В-третьих, раскрутка ТТП совпадает по времени с событиями в Ливии, в других ближневосточных странах, где попираются принципы суверенитета и невмешательства, столь важные, например, для АСЕАН и ее членов. Это способно вызвать

определенную эмоциональную реакцию у восточных азиатов, которые привыкли к другим вещам.

Что в этой ситуации делать России? На что нам делать ставку, какие многосторонние форматы отвечают нашим интересам, а какие — нет? ТТП — это то, от чего нам надо бы дистанцироваться по целому ряду причин. *Во-первых*, мы просто не готовы к ускоренной либерализации. *Во-вторых*, кроме экономических мотивов есть и политические. В стратегии США Транстихоокеанское партнерство увязано с соответствующей линией относительно Южно-Китайского моря, с расширением доступа к военным базам в Австралии и тому подобными вещами. В целом, это не консолидирующий, а разобщающий проект. *В-третьих*, он не подходит нам по репутационным причинам. Ведь зачем мы вступили в Восточноазиатский саммит, зачем нас туда пригласили? Чтобы мы по-своему отвечали за поддержание равновесия на восточноазиатской арене. Я думаю, курс на более сбалансированную систему сотрудничества в рамках Восточноазиатского саммита и российское участие в саммите — это напрямую взаимосвязанные вещи. Словом, с какой стороны ни посмотреть, ТТП — не наш формат сотрудничества.

На мой взгляд, дел в Азии у нас предостаточно и без ТТП, и делать надо то, что делали до сих пор, только быстрее и активнее. Развивать энергетику, модернизировать Транссиб, возрождать Северный морской путь (что, между прочим, позволит разгрузить Малаккский пролив). Разумеется, проблем много и их нужно решать. Но мы не стоим на месте, мы двигаемся, и это уже очень неплохо.

МОСЯКОВ: У вас нет ощущения, что ТТП — это прообраз антикитайского политического союза, и что какие-то страны будут туда вступать в поисках некоего зонтика, защиты? Почему такие чисто политические соображения не могут двигать теми странами, которые ощущают наибольший вызов со стороны Китая и ищут гарантии самосохранения? С учетом этих обстоятельств, какая-то перспектива у ТТП может быть.

КАНАЕВ: Тенденция к конфронтации, конечно, есть, а политика с экономикой увязаны у американцев, как всегда, прочно. Почему же тогда такие давние союзники США в Юго-Восточной Азии, как Таиланд и Филиппины, не спешат в ТТП? Да и в случае с Японией и Южной Кореей решены еще далеко не все вопросы.

Думаю, огромное число людей, а в какой-то степени и мир в целом, пребывают сейчас в состоянии усталости от идей либерализации, переживают ощущение истощенности ожиданий, порожденных этими идеями. Нужно понимать, что и Таиланд, и Филиппины, и Южную Корею, и Японию тянут в ТТП, но они упираются. Индонезия туда, насколько я могу судить, отнюдь не стремится, а Вьетнам и в самом деле руководствуется не экономическими, а политическими причинами.

ТУЛИНОВ: Я бы хотел взглянуть на некоторые аспекты той темы, которую мы сегодня обсуждаем, с точки зрения высоких технологий и точных наук.

Недалековидная позиция развитых стран, в первую очередь Соединенных Штатов, привела к тому, что в Китае был построен ряд высокотехнологичных наукоемких производств, в том числе и самых современных. В разговорах с разработчиками проскальзывала такая мысль, что в Китае науки нет, но это отнюдь не так. Да, в Китае есть проблемы с наукой и образованием, но в последние 20–25 лет они вкладывают значительные средства в их развитие. Представители социально активных слоев получают образование за рубежом — в лучших американских, европейских университетах, формируются свои, китайские научные школы.

Дефицит в области прикладной науки и технологий компенсируется притоком образованных мигрантов, в том числе и российских специалистов. В то же время выходцы из Китая, работающие в американских научных центрах, являются не только носителями научно-технологических знаний. Они остаются носителями

национальных ценностей и психологии. В последние годы Китай развернул программу по возврату ученых на родину, предлагая им соответствующие зарплаты, возможности работы на высококлассном оборудовании, социальные гарантии. И ученые возвращаются, причем не поодиночке, а целыми научными школами. Нечто подобное мы пытаемся реализовать в России. Но возникает много проблем из-за того, что ощущение необходимости вернуться на родину и продолжить работу здесь не свойственно массе современных россиян. А у китайцев это есть, благодаря чему их страна получает и носителей новых знаний, и разработчиков нового поколения технологий. И хотя до сих пор подобные процессы не придали по-настоящему сильного ускорения китайской экономике, тигр исподволь готовится к прыжку.

ТЕРЕХОВ: Сегодня уже обсуждалось, что для России была бы более актуальна роль *swing state*, но мне кажется, что главная проблема заключается в том, чтобы быть *state*. Главная наша проблема заключается в отсутствии проектности — у нас нет проекта строительства страны. Сначала надо понять, что мы за страну строим, какие перед ней стоят проблемы, и тогда уже станет ясно, какие технологические решения для этого потребуются. Помимо научно-технологических знаний нужны и другие инструменты — в частности, социальные технологии.

Итак, мы должны стать государством. Когда появится некий потенциал, тогда мы уже сможем свинговать, иначе балансировать будут нас. Заполнять вакуум нужно, прежде всего, в нашей собственной части АТР, то есть в Сибири и на Дальнем Востоке. *Черная метка* уже была послана Мадлен Олбрайт в 2007 г., и я бы ее не игнорировал. Соответственно, нужно разработать стратегию освоения 2/3 нашей территории. У меня сильное впечатление, что если не будет у нас этой стратегии, а это один из основных элементов развития государства, то упомянутые пространства будут осваивать без нас. В рамках этой большой проблемы есть частные — проблема северных территорий в споре с Японией и так далее. Есть одна большая проблема строительства государства и фактически 2/3 ее территории.

МОСЯКОВ: Те противоречия между США и Китаем, которые развиваются на наших глазах, носят глобальный характер и создают самые разнообразные возможности для будущего развития России. В конечном счете, все зависит от того, как будут развиваться события в нашей стране, как (и до какой степени) будут решаться те вопросы, о которых мы говорили. Результаты прямо скажутся на состоянии наших внешних дел, на наших возможностях соучаствовать в урегулировании проблем регионального и глобального масштаба. Будущее России — в руках самой России.

РОССИЯ СВИНГУЕТ. И ЭТО ХОРОШО

СУМСКИЙ: Вернемся напоследок к образу мудрой обезьяны, сидящей на горе и наблюдающей за схваткой двух тигров в долине. Меня всегда, а особенно сегодня, когда мы дошли до *swing state*, забавляло несоответствие этого образа реальному поведению обезьяны. Те, кто хоть раз видел живых обезьян, знают, что им несвойственно засиживаться на одном месте. И если уж чему-то их повадки соответствуют, то, пожалуй, модели, предложенной И. А. Зевелевым. Негоже обезьяне сидеть на вершине, она должна курсировать по склонам, она должна все время что-то делать, чтобы участники схватки не чувствовали себя единственными действующими лицами и не забывали о ее существовании.

Коль скоро отношения Китая и США, столь важные для судеб мира, сложны и динамичны, то столь же сложной и динамичной должна быть политика России. Последний тезис Владимира Федоровича о том, что сначала нужно сделать государство, а уж потом — свинговать, логичен, но только в реальной истории так не бывает. Делать приходится все сразу. В нынешней ситуации у меня появляется ощущение,

что мы постепенно входим в *ритм свинга*, и в то же время постепенно отстраиваем государство. Известно, когда и чем закончатся эти процессы, но важно, что они начинают идти синхронно.

Статья Хиллари Клинтон наглядно свидетельствует о том, что в 2011 г. американцы зачем-то рискнули одновременно испортить отношения и с Китаем, и с Россией. Меня немного забавляет мысль, что если о России не сказано в чьей-то статье, посвященной Азии, то это подтверждает незавидность нашего положения в регионе. Бывают ведь и статьи, так сказать, программирующего плана, написанные не для того, чтобы отразить реальное положение дел, а для того, чтобы показать, чего хотелось бы автору. Хиллари Клинтон повторяет, как заклинание, свой излюбленный тезис о неизбежности «американского лидерства в АТР», но та ли это цель, к которой устремлен сегодня остальной АТР? Перечисляя американских партнеров в Азии, автор доходит и до Казахстана, и до Монголии. Неужели Россия заметна в азиатском контексте меньше, чем эти величины? Неужели для нее не могло найтись места в этом немаловажном тексте? Но вот ведь не нашлось, и это говорит о многом.

США, при всей их колоссальной мощи, взяли на себя непосильную ношу. Если в холодной войне у них был один противник, подлежащий сдерживанию, то в эпоху многополярности *на грани сдерживания* работают уже как минимум с тремя силами — исламским миром, Китаем и Россией. Особенно четко смотрелось это при Буше-младшем. Когда Обама пришел в Белый дом, то речь пошла о необходимости *перезагрузок* со всей упомянутой тройкой. Но будем смотреть правде в глаза: обещая так и остались обещаниями, и если тенденции, преобладающие сейчас, получат развитие, то сдерживать-то придется все остальное человечество. Ведь исламский мир, плюс Китай, плюс Россия — это, по большому счету, оно и есть.

Соединенные Штаты сделали все, чтобы подтолкнуть Китай и Россию друг к другу, и в обозримом будущем этот импульс будет действовать. В статье Хиллари Клинтон присутствует один очень важный мотив, который абсолютно неприемлем как для России, так и для Китая — выстраивание будущей системы азиатской безопасности на основе американских военно-политических союзов. В Европе новую систему безопасности уже как бы достраивают посредством расширения НАТО. Надо ли нам и Китаю ждать, когда американцы пойдут таким же путем и в Азии? Мне кажется, пора придать той совместной инициативе по азиатской безопасности, которую выдвинули в 2010 году Россия и Китай, несколько менее лапидарный характер. Слова, что безопасность должна быть неделима и универсальна, пора открыто расшифровать как напоминание о том,

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ: Азиатская часть АТР — также важнейший мировой полигон модели политической модернизации, которая воспринимается не как чистая вестернизация, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и местной политической культуры. Регион также очень важен с точки зрения того конфликтного потенциала, который там заложен, и тех множущихся вызовов и угроз безопасности, которые напрямую затрагивают и интересы Российской Федерации. [...] Существует очень серьезная опасность внутривосточной дестабилизации в ряде стран региона. Регион важен и с точки зрения того, что сейчас именно туда перемещается центр военно-политического соперничества между государствами. Именно в АТР находятся пять государств с самыми крупными по численности армиями — это США, Китай, Индия, КНДР и Российская Федерация. Это тот регион, где происходит резкое наращивание военных расходов, военных потенциалов. В развитых странах процесс сейчас обратный, и лидирующие позиции по темпам роста, помимо Соединенных Штатов, занимают сейчас Китай, Япония, Индия и Южная Корея. И поэтому любой из дремлющих конфликтов может обернуться очень большой бедой. Важно проявлять большое внимание к этим региональным конфликтам.

Индекс Безопасности. 2011. №2 (97). С.90

что безопасность не может базироваться ни на чьих военно-политических союзах. Пора выложить эту карту на стол и сказать, что Россия и Китай возражают против американского сценария, а без них никакой азиатской системы безопасности ни у кого не получится.

На какие многосторонние азиатские форматы нужно ориентироваться России? Е. А. Канаев хорошо рассказал нам про ТПП, и я бы добавил, что АТЭС тоже, в сущности, не наш проект. Когда-то системную либерализацию торгово-экономических отношений продавливали через Всемирный банк и МВФ, потом это пробовали сделать через АТЭС, потом через ВТО. Теперь настал черед ТПП, а желанного результата все нет. Видимо, магистральная линия развития проходит в стороне от этой идеи. Считаю, что по состоянию дел на сегодня площадка, подходящая нам более всего, это ВАС. Тут нам есть что предъявить, и в регионе это примут.

Но есть и другая площадка, не упоминавшаяся здесь, куда было бы неплохо *закинуть* идею о том, что мы не прочь туда войти. Это — АСЕАН+3. Сделать из северо-восточной тройки четверку, и в рамках этого формата активизировать сотрудничество с Японией, Южной Кореей и Китаем — это вариант, тем более что реальная экономическая интеграция развивается в АТР именно в этой зоне.

Целиком согласен с тем, что нужно поднимать Сибирь и Дальний Восток. С этим, я думаю, не поспорит никто. И еще один немаловажный момент. Если на деле реализуется то, о чем говорил И.А. Зевелев, или о чем сейчас говорил я, то это ведь не пройдет без следа и для нашей культурной идентичности. Ведь для проведения политики этого рода нужна та мера сбалансированности и прагматизма, которая была присуща азиатам и в глубокой древности, и сейчас. Это вещи, залегающие в Азии на стыке традиции и современности. Показав себя подобным образом, мы будем приняты как азиаты. Так что проблема идентичности не вторична в этом вопросе. Нас примут как своих, если мы поведем себя с умом. 🙏

Примечания

¹ Фукидид считал причиной начала Пелопонесских войн резкое усиление Афин, воспринятое Спартой как вызов, на который нужно реагировать как можно более оперативно.

² Clinton Hillary. America's Pacific Century. *Foreign Policy*. 2011, November. http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (последнее посещение — 10 мая 2012 г.).

³ *GreenGen* — проект стоимостью в 1 млрд долл., предусматривающий строительство электростанции мощностью 650 мВт с нулевыми выбросами углекислого газа благодаря улавливанию углерода. Электростанция строится сейчас в Тяньцзине.

⁴ На территории КНР располагаются огромные запасы сланцевого газа — около 36,1 трлн м³. Планируется, что в 2015 г. добыча сланцевого газа в Китае составит 6,5 млрд м³ в год.